

Разсмотрѣвъ всѣ характерныя черты Вавилона, перейдемъ къ Апокалипсическому изображенію *звѣря бездны*, въ образѣ котораго мы, еще въ изслѣдованіи XI-ой гл. (8 ст.), дознали именно лживый ислаимизмъ.—Что впрочемъ послѣдній здѣсь поставляется на видѣ и нами долженъ быть изслѣдуемъ не безотносительно и вообще, а относительно только Вавилона—Порты, это очевидно изъ сидѣнія именно этой блудницы на звѣрѣ бездны.

Откровеніе и начинается изображеніе этого звѣря тѣмъ, что собственно *на немъ сидитъ* эта блудница—Вавилонъ, что онъ держитъ или *носитъ ее* (XVII: 3, 7).—Вся гражданственность Порты, дѣйствительно, держится на ислаимизмѣ антихристіанскомъ,—почему въ ея области и нѣтъ, и быть не можетъ свободаго и мирнаго, какъ равноправнаго съ магометанами, положенія для православныхъ христіанъ. И по гражданскимъ порядкамъ, и въ жизни общественной эти послѣдніе должны быть неминуемо презрѣнными рабами—плѣнниками; по понятіямъ и нравамъ магометанъ они—гяуры, „собакъ“.

Далѣе этотъ звѣрь является *червленнымъ, исполненнымъ именовъ хульныхъ*, „звѣремъ багрянымъ, пренсполненнымъ именами богохульными“, *иже имѣяше главъ семь и роговъ десять* (3 ст. XVII гл.). „Багряный“ видѣ звѣря—понятное указаніе на кровожадный фанатизмъ, свойственный исламу, который и распространялъ свою область огнемъ и мечемъ. „Имена богохульныя“, переполняющія звѣря какъ будто не только вовнѣ чрезъ начертаніе ихъ на его поверхности, но и внутренно, означаютъ, конечно, и то, что антихристіанскій исламъ движетъ своихъ послѣдователей во всегдашнихъ ихъ общежительныхъ и гражданскихъ соотношеніяхъ съ православными, считаемыми отъ нихъ за „собакъ“, къ непрестаннымъ и всевозможнымъ хуленіямъ христіанства;—и то, что, по самому содержанію своему, въ которое не мало внесено изъ христіанскихъ идей, особенно историческихъ, только съ извращеніемъ или обезсиленіемъ ихъ, и которое выдаетъ себя за высшее проявленіе и довершеніе совершеннаго Христомъ, исламъ есть весь хула на истиннаго Бога Христа.

Иже имѣяше, сказано тутъ же о томъ же звѣрѣ, *главъ семь и роговъ десять* (ст. 3).—О главахъ и рогахъ, которыхъ, тѣхъ и другихъ, у звѣря бездны столько же, сколько и у

змія (XII, 3), и у звѣря изъ моря (XIII, 1), еще въ изслѣдованіи XII-ой гл. Апокалипсиса мы поставляли на видѣ, что они должны означать нѣчто общее каждому изъ господствующихъ въ то или другое время антихристіанскихъ злотворныхъ проявленій и направленій зла и лжи; только раскрывающееся въ каждомъ по-своему или своеобразно. И именно, — такъ какъ зло и ложь не имѣютъ существенной самостоятельности и состоятъ собственно въ отрицаніи добра и истины, а Христовы добро и истина открываются со стороны самой благодати Его, въ *семи* источныхъ ея способахъ—св. таинствахъ, чрезъ которыя изливаются и питаются и разнообразно раскрываются и седмочисленные же дары Духа Христова, Духа Святаго, а со стороны вѣрующихъ—въ дѣятельномъ усвоеніи Христовой правды по *десяти* ея заповѣдямъ, даннымъ еще въ Ветхомъ Завѣтѣ, но Христомъ принятымъ и въ духъ Новаго Его Завѣта (Марк. X, 19. Матѣ. XIX, 17—19): то отрицающія благодать Христову, противодѣйствующія семи таинственнымъ ея способамъ, начала такого или другого духовнаго лживаго зла и суть *седьмъ главъ* этого чудовища, а отрѣзающая Христову правду, противоборная всѣмъ десяти ея заповѣдямъ, энергія этого зла раскрывается въ его *десяти рогахъ*. Звѣрь ислама, дѣйствительно, лживо поставляетъ яко бы надлежащую жизнь человѣчества помимо Христа и противъ Него, заимствуя изъ Ветхаго Завѣта одну уже мертвую форму обрѣзанія (вмѣсто животворной тайны возрожденія въ *крещеніи*); даетъ знать и имѣть своимъ послѣдователямъ одного параклита—въ Магометѣ лжепророкѣ (вмѣсто Святаго Духа по таинству *миропомазанія*); духъ человѣческой шатаетъ иллюзіями алкорана (вмѣсто истиннаго хлѣба жизни въ *причащеніи*) и вращуетъ плотскими только очищеніями и плотскими же постами (вмѣсто тайны обновительнаго *покаянія*); льститъ духовнымъ-человѣческимъ потребностямъ общественнымъ богослуженіемъ съ изувѣрными его служителями (вмѣсто благодати *священства*, въ которомъ Самъ Христосъ Сынъ Божій ведетъ насъ къ Своему Отцу при священномъ служеніи Своихъ орудій); супружескія отношенія (вмѣсто освященія *брака* таинствомъ) растлѣваетъ разнузданностію сластолюбія мужчины и рабствомъ женщины; да и физическое разстройство и страданія человѣческія (вмѣсто жизненной тайны *елееосвя-*

щскія) только обѣщаетъ возмѣстить въ будущемъ вѣчнымъ торжествомъ удовлетворяемаго сластолюбія мусульманъ. Это звѣриныя семь головъ. Такъ звѣрь ислама противопоставляетъ Христу и Его правдѣ свою правду въ отношеніи къ Богу и людямъ—съ вѣрою во единого Бога, отвергающею идоловъ, благоговѣющею предъ именемъ Божіимъ, имѣющею свои праздники, по все это помимо Христа и противъ вѣры въ Него,—съ внушеніемъ чтить родителей, вообще высшихъ, и повиноваться властямъ, но съ подавленіемъ права низшихъ и подвластныхъ, особенно православныхъ христіанъ, съ возбраненіемъ убивать людей, но съ освященіемъ кровавой мести и отношенія къ христіанамъ, какъ къ собакамъ, съ запрещеніемъ связей съ чужими женами, по съ правомъ разводить своихъ сколько угодно и возможно для сластолюбія, съ осужденіемъ воровства, лжесвидѣтельства, всякаго покушенія на чужое, но съ воспламененіемъ фанатизма брать все мечемъ и давить насиліемъ этихъ собакъ—христіанъ. Это десять роговъ звѣря. Въ томъ собственно состоитъ ложь и губительное зло ислама съ его головами и рогами, что этотъ звѣрь видимо признаетъ и поощряетъ духовно-религіозныя потребности и стремленія человѣческія и тѣмъ привлекаетъ и уснительно успокаиваетъ духъ человѣческій, но рѣшительно и усиленно заграждая единственный вѣрный источникъ къ надлежащему раскрытію и удовлетворенію этихъ потребностей и стремленій—во Христѣ, предлагаетъ призрачное для духа и льстивое для сластолюбивой чувственности удовлетвореніе оныхъ,—подкрашивая притомъ эту пищу для успѣшнѣйшаго обольщенія, подъ цвѣтъ особенно Ветхаго Завѣта, какъ Божія и священнаго для древности, но только превращеннаго для самихъ іудеевъ уже въ одну мертвую и убивающую букву. Потому-то народы-ли, отдѣльныя-ли личности, когда попадаютъ на зубы головъ и на рога этого звѣря, пожираются имъ, наибольшею частію безвозвратно изъ этой своей пагубы. Потому же и антихристіанскій духъ такого звѣря и его головъ и роговъ слишкомъ живучъ и можетъ слишкомъ далеко развиваться, какъ увидимъ далѣе.

Звѣрь егоже видѣлъ еси, такъ извѣсняя Ангель тайну звѣря Тайновидцу, бѣ и нѣсть и имать взяти отъ бездны, и въ пагубу пойдетъ: и удивятся живущіи на земли, иже

имена не написана суть въ книгу животную „въ книгу жизни“ отъ сложенія міра, видяще, яко звѣрь бѣ, и нѣсть, и предстанетъ, „явится“. Здѣ у мѣ иже имать мудрость! (ст. 8. 9).— Ключъ здѣсь къ разрѣшенію тайны звѣря открывається въ томъ, что этотъ звѣрь долженъ возобновиться въ своемъ бытіи именно *изъ бездны*: „быль и нѣтъ его, и выйдетъ изъ бездны“, а *звѣрь, иже исходитъ изъ бездны*, обозначенъ еще въ XI-ой гл. (ст. 7), и значеніе его именно объ исламѣ оправдано для насъ самою исторіею. Ложь и зло исламизма, какъ только что предъ симъ мы объяснили, такъ хитро и злохудожно поставлены противъ истины Христовой, что дѣйствительно, надо признать происхожденіе его ниже и глубже челоуѣчества,—челоуѣку такъ не злоухитрится противъ истинной религіи,—а прямо изъ бездны, отъ ухщиренія отца лжи, этого великаго на зло и ложь ума. Лживый исламъ нѣкогда жилъ чрезвычайно сильною въ своемъ родѣ жизнью; такъ что, чрезвычайно распространясь и усилиясь, какъ религія, столько же распространилъ и усилилъ и свою гражданственность. Но затѣмъ онъ постепенно слабѣлъ и изживался, становясь болѣе и болѣе только привычнымъ преданіемъ; прежній, поджигаемый изъ бездны, пламень его до того угасъ—было въ послѣднее время, что этотъ звѣрь не могъ бы уже и поддержать носимую имъ блудотѣйную Порту, если бы не помогли ей люботѣйствующія съ нею, особенно Западно-европейскія, правительства. Такъ *звѣрь бѣ и нѣсть!*— Что касается до возобновленія его изъ бездны, это можетъ разъясниться для насъ изъ того, что, по сказанному Ангеломъ, *удивятся живущіи на земли, иже имена не написана суть въ книгу животную отъ сложенія міра, видяще, яко звѣрь бѣ и нѣсть и предстанетъ*, явится. Подобное удивленіе тѣхъ, которые не написаны по именамъ въ книгу жизни, мы ужъ видѣли и изслѣдовали въ XIII-ой гл. (ст. 3—8): когда звѣрь отступавшаго отъ Христа разума успѣлъ выйти изъ послѣдней зависимости отъ закалавшаго на смерть одну изъ его головъ Слова Божія и эта голова исцѣляема, то *чудися „дивилася“* *вся земля въ слѣдъ звѣря*,—*всѣ, не написанные въ книгу жизни Агнца, заколеннаго отъ сложенія міра*, съ увлеченіемъ почували въ независимомъ отступническомъ разумѣ мощь неопредолимую... Видно, людямъ этого рода и направленія, поклонникамъ отступническаго разума. принад-

лежить еще и то, чтобы съ радостнымъ же за исламъ удивленіемъ и увлеченіемъ, раскрывать новые, еще не тронутые, источники его живучести, могущіе обповить его для поддержанія и возвышенія Порты. (Ибо въ Апокалипсисѣ сходныя и особенно тождественныя выраженія, въ разныхъ мѣстахъ, имѣють особенную знаменательность, указуя на внутреннее соотношеніе и сближеніе самыхъ предметовъ). И въ самомъ дѣлѣ послѣдняя восточная война, ополчившая противъ Россіи за Порту Западную Европу, произошла прямо отъ того, что Западно-европейская политика съ какимъ то мощнымъ фапатизмомъ, достойнымъ древнихъ мусульманъ, стала за новую живучесть магометанства и Порты противъ Россіи, признающей въ первомъ противогуманное варварство и въ другой „больного на смерть человѣка“, — за живучесть и въ цивилизованномъ мѣрѣ, живучесть для самой цивилизаціи. Западная наука и литература вторила этому и съ своей стороны ¹⁾. Мало того, не въ состояніи будучи высоко ставить самый Алкоранъ и унижать предъ нимъ очевидную для всѣхъ высоту Евангелія, тѣмъ не менѣе по простотѣ или бѣдности магометанскаго вѣроученія сравнительно съ сложнымъ содержаніемъ христіанской догматики, дающимъ столько поводовъ якобы къ безконечнымъ и бесполезнымъ спорамъ о непостижимомъ, западная ученость не затруднялась серьезно и съ нескриваемою какою-то радостію находить магометанство болѣе даже христіанства благопріятствующимъ положительному умственному развитію и столько плодотворнымъ для земли реальнымъ знаніямъ, которыя первыми съ-менами своими и одолжены именно магометанамъ; — равно какъ, и сѣдя съ сопоставленіемъ взаимнымъ исторію христіанства и магометанства, научность Запада съ видимымъ увлеченіемъ склоняется къ предпочтенію послѣдняго первому ²⁾. Развилось даже такое лжеумствованіе къ обаянію

¹⁾ Бокль, писавшій тогда свою „Исторію цивилизаціи Англіи“, не утерпѣлъ въ одномъ мѣстѣ этой книгѣ указать (ни къ селу, ни къ городу, по русской поговоркѣ) въ восточной войнѣ—полюгъ Западной Европы за цивилизацію противъ варварства. А то еще, въ одномъ французскомъ изданіи, чуть не съ восторгомъ разсказывается, какъ одинъ жидъ, по поводу притома еще ложнаго слуха о паденіи Севастополя, воскликнуть: „шалъ, палъ Вавилонъ!“

²⁾ Это можно видѣть въ „Исторія умственнаго развитія Европы“ Дрэнера. См. русскій переводъ этой книги подъ редакціей г. Пышова.

поклонниковъ разума, будто „христіанская цивилизація есть явлєніє извращенное, а мусульманство олицетворяетъ въ себѣ всю чистоту первобытнаго человѣка“ ¹⁾). Такъ то современный *умъ, иже имать мудрость*, самъ открываетъ и отмѣчаетъ для себя мѣсто здѣ—въ духѣ и средѣ магометанства, знаменательно превратившаго въ древней столицѣ православнаго христіанства „Храмъ Премудрости Божіей“ въ свою мечеть! И так. обр. звѣрь ислама, иже *бѣ и нѣсть*, жилъ и весь изжился-было, обѣщаетъ новыми столь неожиданными вліяніями изъ „бездны“ обновиться въ своемъ бытіи, присвоая и претворяя въ свои звѣринные соки плоды и элементы современной цивилизаціи. И поклонники ислама, по крайней мѣрѣ современно передовые, съ горячностію и надеждами способствуютъ такому его обновленію. Уже есть „юная Турція“—національная партія подобныхъ горячихъ соперниковъ Западной цивилизаціи для освѣженія своего магометанства. Въ томъ-же духѣ неустанно работаютъ и дѣятели Турецкаго правительства, пользуясь по веѣмъ частямъ народнаго управленія Западными изобрѣтеніями и успѣхами. съ содѣйствіемъ тому Европейцевъ. Самъ султанъ, вопреки мертвой уже буквѣ Алкорана, на явное и прямое какъ будто ознаменованіе обновляющагося духа магометанства. путешествуетъ изъ конца въ конецъ по Западной Европѣ, лично и съ обязательно-примѣрнымъ для своего народа сочувствіемъ обозрѣвая плоды ея цивилизаціи, на всемірной парижской выставкѣ, и представительныя этой цивилизаціи страны—Францію, Англію, Пруссію. Столь же примѣтныя движенія обновляющагося ислама обозначаются и въ отношеніяхъ держимой этимъ звѣремъ Порты къ поработеннымъ ею православнымъ. Она, почуявъ усиливающуюся изъ бездны поддержку подъ собою, высококомѣрно и даже вызывательно поднимаетъ свою любодѣйную голову предъ православнымъ христіанствомъ, какъ это оказалось въ недавнемъ столкновеніи ея съ Греціею, и, вмѣсто обязапно-обѣщанныхъ улучшеній и облегченій подъяремнаго у нея состоянія право-

---

¹⁾ Точныя слова изъ мемуаровъ одного потурчившагося по обольщенію такимъ лжеумствованіемъ Англичанина Фредерика Меллингена. См. 133 стр. „Военнаго Сборника“ за Сентябрь 1869 г., гдѣ помѣщены выписки изъ франц. его кнѣги: „Турція въ царств. Абдуль-Азиса“.

славныхъ, еще болѣе скручиваетъ ихъ подъ своимъ ярмомъ, лишая тѣхъ или другихъ изъ нихъ льготъ и правъ, какими они уже давно пользовались. Такъ звѣрь, который *бѣ и нѣсть*, поднимается снова изъ своей бездны, какъ то уже за 18 вѣковъ было предвидѣно и предсказано Тайновидцемъ въ подкрѣпленіе и ободреніе вѣры тѣмъ, что, если, уже исполняется это слово: *и имать взыти отъ бездны*, то не замедлитъ исполниться и слѣдующее: *и въ пагубу пойдетъ...*

Седьмъ главъ, продолжаетъ Ангель-истолкователь о звѣрѣ бездны и его принадлежностяхъ, *горы суть седьмъ, идѣже жена стѣдитъ на нихъ, и царіе седьмъ суть: пять ихъ пало, и единъ есть, другій еще не прииде, и егда приидетъ, мало ему есть пребыти. И звѣрь, иже бѣ и нѣсть, и той осмый есть, и отъ седмихъ есть, и въ пагубу идетъ* (ст. 9—11).—Ключъ къ раскрытію и здѣсь тайны содержится въ томъ объясненіи Ангела, что *звѣрь, иже бѣ и нѣсть, и той осмый есть, и отъ седмихъ есть и въ пагубу идетъ*. Кто осмый по числу есть этотъ звѣрь? Выше предъ симъ считается *семь* именно *царей*; да и ниже за симъ разъясняется, какъ именно царственная власть разовьется въ этомъ звѣрѣ. Ясно такъ обр., что звѣрь бездны представляется *осмымымъ* собственно *царемъ*, слѣдующимъ непосредственно за тѣми семью царями, каковы его же головы. Когда же самъ звѣрь ислама представляется *царемъ*, то очевидно, что *цари* здѣсь разумѣются не въ собственномъ смыслѣ, а какъ только послѣдовательно господствующія надъ областію магометанства духовныя его силы. И этотъ *осмый царь*, каковъ самъ звѣрь ислама, *отъ седми есть* ¹⁾, т. е. не только слѣдуетъ за своими предшественниками, но имѣетъ и бытіе, какъ царь, собственно отъ нихъ; сказать то же по самому апокалипсическому образу: *седьмъ главъ звѣря, являсь царями, выводятъ за собою, какъ царя же, и всего звѣря, который бѣ и нѣсть* или утратилъ было свое прежнее могучее бытіе. Изъ всего этого открывается, что здѣсь рѣчь—о звѣрѣ и его принадлежностяхъ въ возобновленномъ его бытіи, или точнѣе, въ самомъ дѣй-

¹⁾ По-гречески, *ex τῶν ἐκτά σοι*. Переводятъ эти слова такъ: „изъ числа семи“. Греческій подлинникъ очевидно не даетъ основанія къ такой мысли (запутанной и противорѣчивой самой по себѣ и запутывающей и безъ того трудную рѣчь) будто *осмый* есть *изъ числа семи*: онъ только *есть*, имѣетъ свое бытіе—*отъ седми*.

ствіи его возобновленія, въ самомъ исходѣ его въ новое бытіе,—за которымъ, какъ и выше (ст. 6), указывается сейчасъ и его пагуба: *и въ пагубу идетъ*. Но возобновленіе, идущее изъ „бездны“, бытія этого звѣря замѣшпвается, какъ показано нами предъ симъ изъ Апокалипсиса съ оправданіемъ того нашею современностію, на оказывающейся связи и средствѣ съ исламомъ повѣйшей цивилизаціи и на условливаемомъ этимъ умственнымъ пробужденіи самихъ мусульманъ въ духѣ своего магометанства. Отсюда уже можетъ быть удобопонятно и просто значеніе выше приведенныхъ словъ Ангельскаго толкованія.

Семь главъ, горы суть семь, идѣже сподитъ жена на нихъ. Семь главъ звѣря суть, какъ уже знаемъ, губительныя начала ислама, состоящія во враждебномъ отрицаніи и отверженіи, для ослѣпленныхъ имъ, спасительной Христовой благодати въ семи спасительныхъ ея способахъ. „Горы“, какъ возвышенія именно *земли*, знаменующей, какъ также извѣстно, отвердѣлость гражданскую или порядки общественно-гражданскіе очевидно—даютъ мысль о возвышеніи гражданскихъ порядковъ. И такимъ образомъ смыслъ приведенныхъ словъ въ соображеніи съ вышесказанными о возобновленіи ислама, выходитъ слѣдующій: начала звѣрскаго по своему антихристіанству ислама, обновляясь притокомъ въ оныя современной цивилизаціи, возвышаютъ или по своему улучшаютъ самыя гражданскіе порядки, которыми держится эта политическая и духовная любодѣйка-Порта, поработившая православный Востокъ.

Эти же семь главъ—*вмѣстѣ и царіе семь суть; пять изъ пало, и одинъ есть, другій еще не приде, и егда приде, мало ему есть пребыти*. Головы звѣря или начала ислама, уже какъ начала, *царіе суть* или правящія въ области ислама силы; дѣйствительно возобновленію ислама естественно прежде всего открыться въ самыхъ его началахъ. И вотъ, семь главъ возобновляемаго ислама *царіе семь суть*. Но не равно и не одинаково на всѣ начала дѣйствуетъ это возобновленіе. Извѣстно, что современная Западная цивилизація, въ антихристіанскомъ ея направленіи, или совсѣмъ атенетична или совершенно индифферентна къ Божественному. Поэтому, насколько эта цивилизація проникаетъ въ антихристіанскую же область ислама, она не можетъ не парализировать его

по отношенію къ Божественному, не можетъ не обезсилить и не парализировать энергичности и силы, какъ самаго магометанскаго вѣрованія во все выше-естественное или Божественное, такъ по тому же и магометанской враждебности къ истино-Божественному—Христову. Такимъ образомъ, хотя магометанство, по самому существу своему, отрицаетъ и инстинктивно даже не можетъ терпѣть Христову благодать и всѣ ея таинственные способы; но и въ самомъ духѣ магометанства входящая въ его область та современная цивилизація, для которой Божеское или сверхъестественное или вовсе не существуетъ, или безразлично въ какомъ бы ни было представленіи онаго, должна неизбежно, хотя бы и незаметно, измѣнить враждебную религіозную нетерпимость въ простое равнодушіе относительно такихъ способовъ Христовой благодати, которыми вышеестественно сообщается (крещеніемъ), утверждается (миропомазаніемъ), питается (причащеніемъ), врачуется (покаяніемъ) и пользуется освященными служебными орудіями (въ священствѣ) Христова жизни въ вѣрующихъ, жизнь благодатно-Божія и къ Богу направленная. (Вѣдь на все это антихристіанская цивилизація смотритъ уже просто какъ на пустяки, безъ вражды и борьбы). Это мы говоримъ о внутреннихъ глубочайшихъ движеніяхъ духа ислама въ цивилизованныхъ или цивилизуемыхъ его поклонникахъ; и сказаннаго нами, надѣемся, достаточно для разъясненія, что начала ислама, противоположныя сейчасъ указаннымъ таинственнымъ способамъ благодати, подѣ влияніемъ новѣйшей цивилизаціи не могутъ сохранить собственной имъ фанатической напряженности и силы, а потому и своей влательности въ умахъ и духѣ магометанъ. И вотъ, изъ семи оныхъ царей—*пять ихъ пало*. Совсѣмъ иное дѣло—то начало магометанства, которое наперекоръ христіанскому освященію и благодатной нормѣ супружества (въ таинствѣ брака), освящаетъ сластолюбивое и вмѣстѣ подавляющее человѣческія права женщины многоженство: новѣйшая цивилизація, хотя и слишкомъ ревнующая за права женщины, но не считающая и беззаконіемъ—сластолюбія, которое дѣлаетъ изъ женщины жалкую и постыдную игрушку для себя, способна и готова усилить это сластолюбивое начало ислама, видоизмѣнить и довести его до большей растлѣнности и до болѣе растлѣ-

вающей силы, открывая и для женщины разнужданность сластолюбія. И вотъ изъ семи царей магометанскаго духа, и въ возобновленіи его цивилизаціею, одинъ есть. Мало того; судя по тѣмъ благопріятнымъ условіямъ, какія слѣпкомъ малосложное въ религіозныхъ вѣрованіяхъ и матеріально-сластолюбивое магаметанство представляетъ къ развитію и примѣненію матеріально-положительныхъ стремленій и утопій современной цивилизаціи (все же не мало стѣсняемыхъ и подрываемыхъ въ Европѣ и Америкѣ христіанствомъ), можно усматривать, что и начало или идея магометова рая, только не на небѣ (не входящемъ въ интересы этой цивилизаціи), а еще на землѣ, именно—мечта о царствѣ сластолюбиваго довольства и благосостоянія земного, о всякихъ матеріальныхъ благахъ и улучшеніяхъ, объ облегченіи или услажденіи ими самыхъ страданій человѣческихъ (наперекоръ благодати *елеосвященія*, облегчающей собственно духъ нашъ отъ подавляющаго его бремени тѣлесныхъ болѣзней и страданій) можетъ раскрыться въ цивилизуемой области ислама также съ особенною силою, хотя опытъ и дѣйствительность, конечно, не замедлятъ изобличить лживость всего этого. И вотъ, *другій* (остальной изъ семи царей) *еще не придетъ: и егда придетъ, мало есть ему пребыти*, „не долго ему быть“. Такимъ-то образомъ звѣрь ислама, *уже бы и нѣтъ*, имѣлъ нѣкогда, по изжили, истощилъ свою мощную жизненность, за измѣненіемъ характера означенныхъ семи своихъ началъ подъ вліяніемъ цивилизаціи, выходитъ встѣдъ за ними изъ бездны всеи обновленной въ своей силѣ и властительности злохудожной: *и той осмыи есть*. Обновленное же бытіе свое онъ получаетъ именно чрезъ новый характеръ своихъ началъ, сообразный съ духомъ нынѣшней цивилизаціи, такъ что является теперь уже безъ фанатической религіозной нетерпимости, удерживая только и утончая, усиливая свое растлѣнное сластолюбіе и лести матеріальными улучшеніями, какъ раемъ магометовымъ: *и изъ седми есть*. Но само собою понятнo, какъ непрочнo, недолговѣчно, похоже на сильную, но минутную вспышку, бытіе религіи ислама, освѣжаемой и поднимаемой вліяніемъ цивилизаціи, но съ внутреннимъ подрывомъ характера и духа самой религіозности: *и въ пагубу идетъ*. Такой характеръ обновляемаго новѣйшею цивилизаціею ислама уже обозначился въ

самої дѣйствительности. Цивилизованные турки и отурчающіяся пещадія Западной цивилизаціи къ дѣлу собственно религіи слишкомъ равнодушны и въ отношеніи къ христіанству совсѣмъ чужды фанатической нетерпимости. Такъ звѣрь изъ бездны, звѣрь ислама остается звѣремъ; по сравнительно съ прежнимъ его видомъ можно примѣчать, что большая часть головъ этого звѣря, слава Богу, пала. Вотъ, недавно турецкій министръ внутреннихъ дѣлъ, человѣкъ европейски просвѣщенный, очень разумно и доброжелательно вразумлялъ официальнымъ письмомъ греческую іерархію, что предоставленіе болгарамъ избирать изъ своей среды пастырей—не можетъ вредить православію, нисколько не касаясь существа вѣры. Въ этомъ вообще духъ и смыслъ правительствъ Порты постоянно дѣйствовало въ греко-болгарской распрѣ, пока наконецъ, султаномъ признана безъ затрудненія самостоятельность болгарской церкви, во имя государственной правды, не дающей болгаръ въ обиду преобладавшихъ надъ ними грековъ. Таково ужь пынѣшнее магометанство Порты. Въ одномъ только и природные магометане вѣрны магометанству и европейскіе прозелиты онаго ревностію входятъ въ его духъ, это—въ отношеніи къ магометанскому сластолюбію. Да и матеріально-положительное направленіе замѣтно становится характеромъ обновляемаго новѣйшею цивилизаціею ислама, какъ видно изъ стремленій Порты къ внѣшне-бытовымъ преобразованіямъ и улучшеніямъ чрезъ заимствуемыя у Западной Европы нововведенія.

И десять роговъ, яже видѣлъ еси, продолжаютъ Ангель-истолкователь Тайнознителю, десять царей суть, иже царства еще не пріяша, но область (власть) яко цари на единъ часъ примуть со звѣремъ. Си едину волю имуть, и силу и область свою звѣрю дадутъ (ст. 12, 13). Изъ того, что рога звѣря здѣсь представляются царями еще не принявшими царства, а имѣющими еще воцариться вмѣстѣ съ самимъ звѣремъ, которому царственная ихъ власть и должна присвоиться, понятно и ясно, что это суть принадлежности звѣря ислама въ его уже возобновленіи изъ бездны, подъ вліяніемъ (какъ выше раскрыто) именно антихристіанской цивилизаціи. Отсюда и раскрывается значеніе приведенныхъ Ангельскихъ словъ. Само по себѣ понятно, что для роговъ ислама, подъ вліяніемъ

повѣйшей цивилизаціи, становящагося чуждымъ религіозной петершимости къ христіанству, уже недостаточно такого противоборства скрижалямъ завѣта Христовой правды, которое состояло бы въ упорномъ направленіи противъ Христа и Его духа самой вѣры въ единого Бога, отвергающей идоловъ, благоговѣйной къ имени Божію, чтущей Его своими праздниками, покорной родителямъ и властямъ и проч.: съ такимъ характеромъ эти рога принадлежать или свойственны звѣрю ислама въ его прежней, уже истощенной, жизненности, или насколько онъ *бы и нѣтъ*, а не въ возобновленіи онаго Западною цивилизаціею. Нѣтъ; когда этотъ звѣрь поднимается изъ бездны уже въ духѣ цивилизованнаго безвѣрія или равнодушія къ Божественному, освящающему для человѣчества и всякіе закопные авторитеты, то ему должны принадлежать рога, противоборные Христовой правдѣ уже развѣ въ смыслѣ и силѣ такого освященія безавторитетности или собственно эгоизма, чтобы при холодномъ и равнодушномъ, а то и формальномъ только признаніи единого Бога и Его пророка, на дѣлѣ священнѣе для себя и выше всего ставить свое „я“ съ цивилизованными воззрѣніями и стремленіями, признавая все святое и обязательное внѣ этого за идоловъ, возводя потому самое богохуленіе уже чуть не въ правду, поставляя праздники, главнымъ образомъ, въ магометански-сластолюбивыхъ общественныхъ увеселеніяхъ, разнообразныхъ и утопчаемыхъ цивилизаціей, признавая авторитеты развѣ только по внѣшней-оффиціальной необходимости, а искренно требуя только себѣ отъ другихъ покорнаго почтенія, признавая и въ другихъ отношеніяхъ (какъ то къ правамъ чужой личности, чести, собственности, безопасности) обязательною для своихъ дѣлъ и стремленій одну правду—въ смыслѣ и духѣ произвольнаго и эгоистическаго внутренняго самозаконодательства... Вотъ эти то рога, усилясь и воспреобладая въ области ислама съ ея цивилизованіемъ, дадутъ этому звѣрю развитъ свою новую звѣрскую силу и властительность, хотя все это и на слишкомъ маловременный срокъ до своей пагубы—*на единъ часъ* (конечно, *часъ* апокалипсическій, см. Изслѣд. IX; 15).— Въ разъясненіе и оправданіе сказаннаго нами о рогахъ звѣря самую уже дѣйствительностію, мы можемъ указать на то, что или устремляютъ именно на Порту свои виды, или начинаютъ свой падльвъ

въ нее, съ готовностію принять исламъ, поборники антихристіанскаго разнузданно-эгоистическаго направленія цивилизаціи, едва ли не изъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ (включая и русскіихъ, особенно поляковъ).

Сн (рога звѣря), говоритъ далѣ Ангель Іоанну Богослову, *со Агнецомъ брань сотворятъ и Агнецъ побѣдитъ я, яко Господь господемъ есть и Царь царемъ: и сущіи съ нимъ званіи и избранніи и вѣрніи* (ст. 14). Мысль этихъ словъ „въ общемъ“ ясна. Антихристіанство, или враждебность Агнцу Божию Христу, составляетъ существо или основу самаго бытія роговъ звѣря, какъ это показано выше; въ нихъ дѣйствуетъ христовраждебность ислама, вооружаемая притомъ способами и стремленіями антихристіанскаго направленія цивилизаціи. Агнцу Христу принадлежитъ побѣда надъ всѣмъ Ему враждебнымъ не по Божеству только Его, всемогущему и вседержавному, но уже совершена имъ и по домостроительству Его вочеловѣченія. Онъ на Себѣ Самомъ вынесъ это подавляющее нашъ міръ бремя вины и самой смертности враждебнаго Ему грѣховнаго зла; собственное Его Богочеловѣческое „Я“ явилось ходатайственно представительнымъ предъ Отцомъ всякаго нашего грѣшнаго „я“ въ отношеніи и къ добру, какъ и плущему отъ Него и по Его же ходатайству, и къ худу вземлемому Имъ на Себя же. Потому Онъ и есть *Господь господемъ и Царь царемъ* въ областяхъ не только добра, но и враждебнаго Ему зла; самая мятежность противъ Него какихъ бы ни было, царственныхъ въ злѣ, роговъ звѣриныхъ состоитъ въ Его всевластныхъ рукахъ, какъ вынесенная Имъ на Себѣ съ собственной Его стороны; она, въ существѣ дѣла, или по внутренней своей силѣ, уже изложена Имъ. И этой Его побѣдѣ надъ зломъ остается только раскрываться вовпѣ, въ событіяхъ, а людьми въ ихъ спасеніе отъ зла—усвояться чрезъ живую и дѣятельную ихъ вѣру, сообщающуюся силѣ и духу такого Его челоуѣколюбія. Къ этому общенію съ Нимъ они и призываются; но по Его же свидѣтельству, *мнози суть званіи, но мало избранныхъ*, дѣйствительно входящихъ въ общеніе съ Нимъ, въ Его духъ, и изъ этихъ избранныхъ далеко не всѣ выдерживаютъ *вѣрность* Ему и Его духу *до смерти*. Это и значитъ, что *сущіи съ Нимъ*, или петипные Его общники,—*званіи*, и не просто званые: *по и избранніи* и притомъ *вѣрніи*, вѣрные до смерти, по вы-

раженному въ Апокалипсисѣ же Христову требованію: *буди вѣренъ даже до смерти и дамъ ти вѣнецъ жизни* (II, 10). Вотъ общая мысль выше приведенныхъ Ангельскихъ словъ ¹⁾.—Но Ангель-истолкователь апокалипсическаго видѣнія выражаетъ здѣсь истину Христову не въ ея безотносительности, а какъ она должна дѣйствовать въ самыхъ событіяхъ извѣстнаго времени. Надо намъ выяснитъ и открываемую Ангеломъ тайну событій. Ключъ къ разрѣшенію этой тайны заключается въ словахъ объ Агнцѣ. *Яко Господь господемъ есть и Царь царемъ*. Ниже въ XIX-й главѣ, изображается видѣніе Господа въ самомъ дѣйствіи упасенія языковъ жезломъ желѣзнымъ, съ начертаніемъ притомъ такого Его имени: *Царь царемъ и Господь господемъ* (ст. 15, 16). А выше, въ XII-й главѣ, показано, и нами уже изъ событій выяснено, что Господь для особеннаго проявленія и дѣйствія этой своей силы или благодати—*пасты языки жезломъ желѣзнымъ* избралъ православный славяно-русскій народъ (ст. 5). Итакъ браиноносная христовраждебность цивилизуемыхъ роговъ ислама направляется, видно, противъ онущаемаго ими Христова Духа, движущаго именно православно-русскій народъ за угнетенный исламомъ православный Востокъ ²⁾. И, дѣйствительно, изъ самыхъ уже событій извѣстно, что какъ ни ясна и проста русская политика, стремящаяся донинѣ къ облегченію и улучшенію участи православнаго Востока съ сохраненіемъ и благоустроеніемъ самой Порты, цѣлость которой неоднократно уже была поддерживаема Россіей въ настоящемъ столѣтіи, не смотря на это и сама Порта, и заботящаяся о ея цивилизованіи Западная Европа нескрывается и упорно враждебны и противоборны Россіи, по восточному вопросу. Притомъ эта враждебность противъ Россіи за исламъ слишкомъ открыто дѣйствуетъ не въ однихъ правительствахъ Порты и любодѣйнаго съ нею цивилизованнаго Запада, но и въ самомъ общественномъ ихъ духѣ: духовныя силы, которыя побораютъ за исламъ и составляютъ или вооружаютъ цивилизацію

¹⁾ Это—мысль, выражающая самое существо или живую силу правосмысленно разумѣмаго христіанства. Эта мысль раскрывается у насъ цѣлою книгою: „О православіи въ отношеніи къ современности“. То же въ брошюрѣ „О тайнствахъ“ и проч.

²⁾ См. подробн. въ оправданномъ великими всемірными событіями изслѣдованіи XIV гл., 19—20 ст.

рога сго, явно бранносны противъ Россіи. Примѣчательно еще въ Апокалипсисѣ, что Ангель усиливаетъ или нарочито подкрѣпляетъ сильнымъ доказательствомъ свою рѣчь объ Агнчей побѣдѣ надъ этими рогами: *Агнецъ побѣдитъ я, яко Господь господемъ есть и Царь царемъ*; видно въ событіяхъ не всегда открыта и наглядна, должно быть, эта Агнчая побѣда надъ рогами ислама, такъ что потребно особое удостовѣреніе, что Агнецъ не можетъ не побѣдить своихъ враговъ, прежде открытія вовнѣ этой побѣды, духу Его свойственно обосновать оную еще по внутренней силѣ или существу дѣла, чрезъ терпѣливое самопожертвованіе даже за враговъ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ по оружію, такъ и въ дипломатіи православной Россіи въ послѣднее время уже пришлось и приходится не мало терпѣть. Но главное, только бы намъ, православнымъ русскимъ, какъ и собратьямъ нашимъ—православнымъ Востока, оказаться, по внушенію Ангельскому, истинно и прочно *сущими еъ Агнцемъ* не только по призванію и избранію, но и по неотступной *вѣрности* Ему и Его Духу въ нашей мысли и жизни, въ нашей цивилизаціи: побѣда Царя царей и Господа господей падъ рогами ислама, озлобляющаго матеръ нашу—Церковь Востока, несомнѣнно совершится и вовнѣ, какъ православной Россіи уже пора знать эту побѣдоносную Христову силу по своимъ прежнимъ великимъ опытамъ въ отношеніи и къ исламу (вспомнимъ татарщину), и къ цивилизованному Западу.

И десять роговъ, яже видѣлъ еси на звѣри, продолжалъ Ангель изъяснять тайцу роговъ звѣря Тайновидцу, сѣи любодѣйцу взненавидятъ, и запустѣвшу сотворятъ ю, и нагу, и плоть ея съядятъ, и сожгутъ ю огнемъ. Богъ бо далъ есть въ сердца ихъ сотворити волю Его, и сотворити едину волю и дати царство свое звѣрю, дондеже скончаются глаголы Божія (16—17).—Вооружаемые способами и стремленіями Западной цивилизаціи *рога* ислама, естественно, составляютъ силы и стихіи, не содружныя, а скорѣе непріязненныя установившемуся изстари устройству и характеру Порты, способныя только разлагать ее въ самой основѣ. Къ выясненію этого достаточно слѣдующаго: государственный, общественный, семейный бытъ магометанской Порты, установившіеся въ ней возрѣнія и правы замѣшаны на религіи, хотя и лживой, а поднимающая исламъ Западная цивилизація соб-

ственно къ религіозному равнодушна и въ умственномъ, практично-жизненномъ, социальномъ и экономическомъ отношеніи преслѣдуетъ совсѣмъ другіе интересы; въ Портѣ освящены безграничный деспотизмъ и слѣпая, безусловная ему покорность, а цивилизаціонныя стремленія направляются къ неограниченно-эгоистической рациональности; лучшее въ Портѣ—это слѣды древней патріархальности въ жизни и непосредственной простоты въ мысли и духѣ, а это самое уже не совмѣстно съ новѣйшею цивилизаціею. И такъ движимыя и обновляемыя послѣднею силой ислама, при своей противоборности правдѣ Христовой, неизбѣжно должны внутренне развѣдать и разстроивать, опустошать и разрушать самую Порту во всѣхъ основахъ древняго ея устройства, возбуждая притомъ и противъ новыхъ цивилизованныхъ ея порядковъ старинный дикій фанатизмъ. Это не только признается пронизательными и непредубѣжденными умами, но и фактически начинаетъ обозначаться въ дѣйствіи цивилизаціонныхъ нововведеній и стремленій ¹⁾, возбуждающихъ зловѣщія тревоги въ Портѣ и особенно раздражающихъ болѣе вѣрныя, хотя бы только уже мертвой, буквѣ магометанства населенія, какъ, напр., въ послѣднее время Аравійскія племена.—Такъ Богъ, не причастно злу, попустительно даетъ развиваться и дружно дѣйствовать разрушительнымъ силамъ зла, къ усиленію, по собственнымъ ихъ стремленіямъ, зла же, но исполняя чрезъ это Своими путями собственную Свою всеблагодѣтельную и все-совершенную волю о спасеніи человѣческомъ отъ зла, или, что то же въ своемъ существѣ, о благѣ и торжествѣ Своей Церкви. Именно, *Богъ далъ есть* Христовраждебнымъ рогамъ, *въ сердца ихъ*, безъ насилія т. е. для ихъ Христовраждебности, *сотворити волю Его* о сокрушеніи новаго Вавилона (16 ст.) съ его игомъ надъ новымъ Израилемъ, давая для этого имъ, при взаимномъ противоборствѣ между фанатизмомъ религіознымъ и цивилизаціонными стремленіями, *сотворити едину волю*, или дружно дѣйствовать къ всегубительству Порты во внутреннемъ ея пожарѣ (сл. 13 ст.) и

¹⁾ Самые поборники этихъ нововведеній и стремленій уже облачаютъ съ ненавистію къ Турціи, ея растлѣніе. См. книгу „Турція въ царствов. Абдуль-Азиса“, въ выпискахъ изъ оной „Военнаго Сборника“ 1869 г.